

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ОТ ТРИУМФА ДО НЕНУЖНОСТИ

НОБЕЛЕВСКОМУ ЛАУРЕАТУ В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИТСЯ 80 ЛЕТ. ПОМНЯТ ЛИ ОБ ЭТОМ ЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКИ?

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

27 мая 1994 года, в аэропорту города Магадан на Колыме приземлился рейсовый самолет компании "Аляска Эйрлайн". Из салона машины вышел и спустился по трапу Александр Солженицын.

После изгнания он вновь вступил на российскую землю, и место встречи с Родиной не было случайным. Двадцатилетняя ссылка была наказанием за издание на Западе его главной книги — "Архипелаг ГУЛАГ". Но именно Колыма была самым крупным и знаменитым островом этой удивительной страны — ГУЛАГ, которую населяли когда-то многочисленные народы эзотов.

Сообщение о возвращении Солженицына в Россию стало главной новостью для многих стран мира. Но лишь немногие из российских писателей и публицистов встретили это известие с воодушевлением.

"Я против возвращения Солженицына в Россию", — заявил Юрий Нагибин. — Этот приезд и ему и всем нам сорвет первую систему. То, что делает сейчас Солженицын, мне неприятно. Человеку, создавшему двадцать томов, кажется, что он обял всю Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Это все чушь! Тут и без него немало умных людей".

Наиболее грубой оказалась статья некоего Григория Амелина "Жить не по Солженицыну" в "Независимой газете": "С голливудской бородой и начищенной до немыслимого блеска совестью, он является в Россию, как Первомай и как он же, безбожно устаревший. А кому он, в сущности, нужен? Да никому! Нафтальин ему, нафталину! И на покой!"

КАК ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

Девяностый год был богат на разного рода предложения и проекты радикального обустройства СССР и России. Свои проекты были у Горбачева и у Рыжкова, у Ельцина и у Полозкова. Наиболее перспективным для многих казался тогда проект "500 дней", подготовленный группой Шаталина — Яшинского. Как раз в разгар обсуждения этого проекта в Верховном Совете СССР Солженицын закончил и переслал в Москву брошюру с претензионным заголовком — "Как нам обустроить Россию?" и скромным подзаголовком "Посильные соображения".

Брошюра была опубликована как приложение к двум популярным газетам тиражом на тридцать миллионов экземпляров.

Нет нужды разбирать сегодня все предложения писателя, которых в небольшой брошюре я на-

считал более двухсот. Многие из критических высказываний Солженицына были справедливы, а к немалому числу его советов следовало прислушаться. Трудно было, однако, принять сам тон его критики — грубой, предельно резкой, размашистой, полной преувеличений.

Солженицын сетовал позднее, что его голос не был услышан и что его брошюра была прочитана неверно. Это не так. Брошюра Солженицына была прочитана внимательно, но ее практически никто не поддержал.

Тем не менее возвратившегося в Россию Солженицына везде принимали хорошо и слушали внимательно. Аудитории, в которых он выступал на пути из Владивостока в Москву, всегда были переполнены.

Хотя Солженицын отказывался считать себя политиком, уже по итогам мая 1994 года он занял место в списке ста наиболее влиятельных политиков России. В июле он находился в этом списке на двадцатом месте.

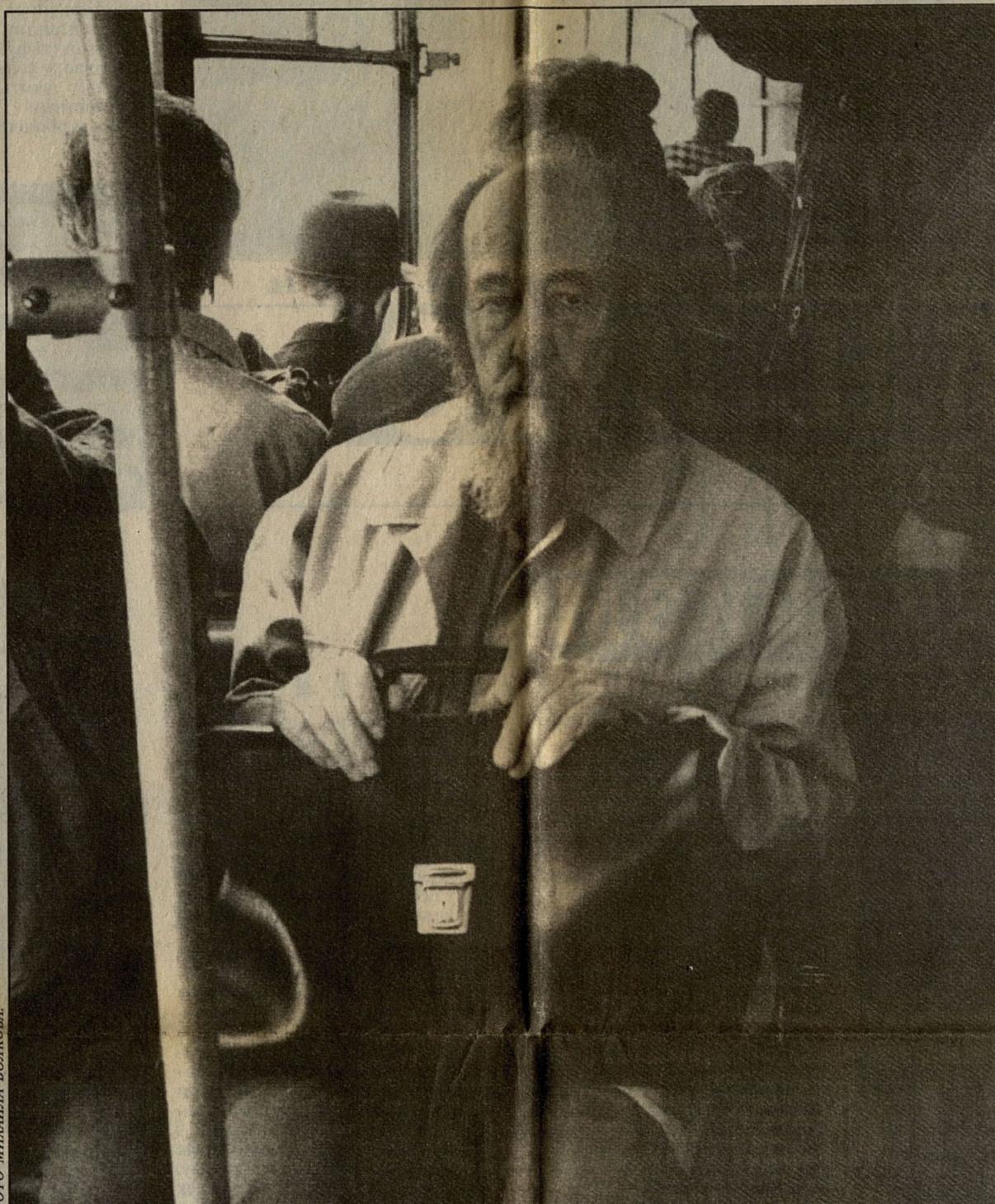
В четверг, 21 июня 1994 года вечером Солженицын прибыл в Москву. Вокзал был оцеплен милицией, с вокзальной площади удалили сотни бомжей и убрали даже торговые палатки. Встречать писателя прибыли мэр Москвы Юрий Лужков, бывший посол в США Владимир Лукин, писатели Сергей Зальгин и Юрий Каракин. Солженицын произнес короткую, но сильную речь, бросая в толпу чеканные и точные фразы: "Россия сегодня в большой, тяжелой, многосторонней беде, и стоит стоять на позиции. Народ у нас сейчас не хозяин своей судьбы, и мы не можем говорить о демократии. Демократия — это не игра политических партий, а народ — не материал для избирательных кампаний. Врачи и педагоги работают по инерции долга, и это не может продолжаться вечно. Прорастает удав преступности, который грозит скоро задушить все общество".

Это была лучшая речь писателя за все три года его пребывания в России. Но ни в одной из газет она не была опубликована полностью. Даже то, что я написал выше, я сконструировал из отдельных фраз, пронизанных добрым десятком газет — от "Комсомольской правды" до "Советской России".

**НЕТ ПРОРОКА В
СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ**

На одном из заседаний Государственной Думы Станислав Говорухин и Владимир Лукин предложили пригласить Солженицына для выступления. Солженицын прибыл в Думу перед самими выступлениями и вошел в зал в окружении десятков журналистов. В зале пустота, половина депутатских кресел.

ГАЙД-ПАРК

26 августа 1994 года около 4 часов дня Александр Исаевич перебежал Пушкинскую площадь и, едва не угодив под машину, успел вскочить в троллейбус 15-го маршрута. Сел, поставил портфельчик на колени и оказался аккурат напротив нашего корреспондента Михаила Волкова. Миша — не будь дурак — сразу за фотокамеру. Находчивость репортера была по достоинству оценена на редакционной летучке. А вот хождение классика в народ осталось без последствий.

ВОПРОС ПО ТЕЛЕФОНУ

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА МНОГИЕ ВОЗЛАГАЛИ БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ. ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ ОНИ?

ЮРИЙ БОРБЕВ, писатель:

— Вклад Солженицына в культуру и в политическую ситуацию был сделан прежде всего его творчеством. Но возлагать надежды на приезд мессии, на то, что он может как-то повлиять на положение дел в России, было бы неверно. Его авторитет и сейчас остается очень весомым и существенным. Но опять же ожидать, что он сможет что-то исправить, перевернуть, едва ли возможно.

ПАВЕЛ БУНИЧ, экономист, депутат Госдумы:

— Возвращение Солженицына было, конечно, не рядовым событием. И тот телевизионный цикл, что он создал, оправдал эти надежды. Но затем воздействие Солженицына стало ощущаться все слабее и слабее. Да и прислушиваться к нему перестали. Дальнейшая же политическая и любая другая роль Солженицына зависит только от него самого. У него же очень сильный характер.

АЛЛА ГЕРБЕР, публицист:

— Когда возвращался Солженицын, мы надеялись, что он в известной степени заменит Андрея Дмитриевича Сахарова, станет активным защитником прав человека, станет совестью народа. И он не просто может — он должен это делать. Люди видят в нем нового Льва Толстого, который должен наперекор всему говорить правду и нести ее в мир.

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО, главный редактор газеты "Литературная Россия":

— Признаться, у меня и моего окружения особенных надежд в связи с возвращением Солженицына не было. Да, многие ждали его как пророка. Но тщетно этого было ждать от человека, так давно оторванного от родины, от нашей действительности. Кости своей, он достаточно быстро разбрался в сущности происходящего. Солженицын не стал в России заниматься политикой, но он занимается очень полезной общественной деятельностью — он организовал фонд, учредил премию, он поддерживает издание книг в провинции.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ, писатель, главный редактор издательства "Московский рабочий":

— Солженицын — это одна из крупнейших фигур русской литературы XX века. Но, нам казалось, он заслужил более видное место в общественной жизни России. Но и без того его вклад очень велик.

ВЛАДИМИР КРУПИН, писатель:

— Конечно, мы ждали от него большого противостояния теперешним властям, более страшным для России, нежели было брежневское политбюро. Но, видимо, слишком велики обиды Александра Исаевича наущенные в небытие обидчиков, если он все еще продолжает сводить с ними счеты. Будущее Солженицына, как и будущее любого писателя, — это его будущие читатели. И он будет жить, пока его будут читать. А будут ли? — на этот вопрос ответить я не могу.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ, главный редактор газеты "Завтра":

— Наша страна довольно давно уже разделена на две части. Та часть, что вызывала Солженицына сюда из эмиграции, в результате была разочарована. А патриотическая часть ожидала, что Солженицын покажется. Ведь в том, что случилось с великой страной, есть и доля вины так называемых диссидентов, к которым относились и Солженицын. И, естественно, по возвращении он не был воспринят как духовный лидер. Он не заменил покойного Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского. Думается, и в дальнейшем роль Солженицына будет только угасать.

АЛЕКСАНДР БОРЧАГОВСКИЙ, писатель:

— Едва ли сколько-нибудь глубокомысленный человек мог всерьез надеяться, что приезд Солженицына повлияет на нашу действительность. Он только человек! Но он человек неспокойный, яростный, вечно призывающий к правде, к великой правде существования людей. Жить не по лжи! И он благодаря своим книгам, своему творчеству нашему суду неподсуден.

Не пришли депутаты из Правительства, а Егор Гайдар демонстративно вошел в зал через полчаса после начала выступления.

Писатель тщательно подготовился к выступлению и говорил напористо и вдохновенно. Его речь была интересной и содержательной. Но отклика в зале почти не было, лишь иногда раздавались жаждкие aplaudimenti. Солженицыну не задали ни одного вопроса — ни устно, ни письменно.

Вскоре последовали телевизионные выступления Солженицына. Темы этих выступлений менялись, но менялся и тон писателя: он становился все более наиздатыем. При этом Солженицын весьма уверенно говорил и о таких проблемах, о которых имел лишь самое приблизительное представление. Он делал многое предложений, но было неясно, кто и как должен их осуществлять. Передачи становились все более неинтересными, и их перестали комментировать в печати. Анализ зрительских интересов показывал, что российский зритель утратил в октябре-ноябре 1994 года интерес к выступлениям Солженицына.

Неудачные выступления на телевидении привели к снижению общего политического рейтинга писателя. С почтенного двадцатого места он переместился в конце 1994 года на восемнадцатое, а в начале 1995 года и вовсе был исключен из списка стартовых политиков России.

С весны 1995 года передачи Солженицына уже никто не комментировал и почти никто не смотрел. Даже я пропускал многие из них. Осеню не выдержала самая лояльная к писателю газета "Известия". В номере от 20 сентября Константин Кедров писал: "Мы слушаем сегодня Александра Исаевича в лучшее телевизионное время и понять не можем, тот ли перед нами писатель Говорю это не в упрек, потому что гений не всегда гений. Вдохновение, как любовь, проходит. Тогда-то и на-

чинается "суета и томление духа". Дело даже не в том, что Солженицын поворгает залы Жириновского и Зюганова. Параллакс в том, что у Солженицына те же тезисы выглядят невзрачнее и бездарнее. Больше года мы были зрителями политического театра Солженицына. Сейчас совершенно ясно, что новая пьеса не удалась".

Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына, расписаные уже на два-три месяца вперед.

Не слишком приветливо встретил Солженицына и писательский мир России. "Я очень удручен последними выступлениями писателя, которого я читал", — говорил Василий Аксенов.

Эта тяжелая поступь пророка, изпод каждого шага которого должен быть артезианский ключ жизнелюбия для России, это поливание грязью деятелей реформ, которые его принимают, — это все бесстыдно, без вкуса и для меня поразительно". "Я отрицательно отношусь к таким заявлениям Солженицына, что "Россия побуждена", — заметил Григорий Бакланов.

Человек не был в России двадцать лет, а теперь приехал и все ругает. Ругать легко, помочь трудно".

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране. Но вряд ли он ошибся, что результат его активной общественной деятельности окажется столь незначительным.

Сейчас Солженицын, писатель, писательский мир России. "Я отрицательно отношусь к таким заявлениям Солженицына, что "Россия побуждена", — заметил Григорий Бакланов.

Человек не был в России двадцать лет, а теперь приехал и все ругает. Ругать легко, помочь трудно".

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране. Но вряд ли он ошибся, что результат его активной общественной деятельности окажется столь незначительным.

Сейчас Солженицын, писатель, писательский мир России. "Я отрицательно отношусь к таким заявлениям Солженицына, что "Россия побуждена", — заметил Григорий Бакланов.

годов, жизни звезд и писателей до изломов современной действительности. Их, однако, невозможно сравнить с рассказами Солженицына начала 60-х годов. Писатель был разочарован молчанием критики и прессы, он говорил что-то о незначительных тиражах "Нового мира". Но дело было не в тиражах, а в явной литературной слабости рассказов и статей. Лицем к лицу поразили в рассказах великолепиями.

Солженицын начал 60-х годов. Писатель был разочарован молчанием критики и прессы, он говорил что-то о незначительных тиражах "Нового мира". Но дело было не в тиражах, а в явной литературной слабости рассказов и статей. Лицем к лицу поразили в рассказах великолепиями.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военных летописей выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатипятилетие.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военных летописей выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатипятилетие.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военных летописей выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатипятилетие.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военных летописей выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатипятилетие.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военных летописей выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатипятилетие.

Солженицын начал 60-х годов.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына